

Плейлист

La Seine – Vanessa Paradis, -M-
Dernière Danse – Indila
Dirty Mind – 3OH!3
Collard Greens – ScHoolboy Q, Kendrick Lamar
Watch Me Burn – Michele Morrone
PLEASE – Omidó, Ex Habit
Who is She? – I Monster
Mon Démon – Odelly
Me and the Devil – Soap&Skin
Blood//Water – grandson
Unholy – Sam Smith
Fed Up – Ghostemane
I hate everything about you – Three Days Grace
Never let me go – Florence + The Machine

*И вползут они на животах своих в царство тьмы
На страдания обречённые.
И во рту останутся пеплом
Все могущественные империи,
И воздвигнется царство ночи,
О котором столь долго пели мы.
Обратятся в немые статуи
Все прекраснейшие короли.
Оставь надежду, всяк сюда входящий,
До скончаний времён земли*.*

Из опрокинутого на бок мусорного бака, вокруг которого в поисках пропитания кружили уличные коты, валил столп чёрного дыма вперемешку с вонью, более неприятной, чем запах гари. Редкие, непонятно как попавшие в Обервилье туристы спешно обходили всё это безобразие стороной и демонстративно зажимали носы.

Я неслась от станции метро в направлении дома, стараясь не вдыхать запах и не смотреть на развалины, в которых нам с мамой теперь приходилось выживать. Но если «не вдыхать запах» было несложно, то «не смотреть» привело к последствиям, которые, в свою очередь, чуть не довели меня до могилы.

Поскользнувшись на непонятно откуда взявшемся футбольном мяче, я с трудом удержалась на ногах. Для большей устойчивости пришлось нелепо раскинуть в разные стороны обе руки. Сжимая в пальцах пластмассовый стаканчик со стратегически важным запасом холодного кофе, я с грустью уставилась на то, как по белой блузке, в пять утра выглаженной старым, едва работающим утюгом, стало расплзаться жёлтое пятно. Дрянь.

С противоположной стороны дороги кто-то закричал. Кто-то, кого я мысленно убила, расчленила и захоронила в разных концах Парижа.

* Цитата из фильма «Париж. Город мертвых» (прим. авт.).

— Ma tante! Не подбросите?

Покачиваясь на высоченных шпильках и проклиная всё вокруг, я подняла голову и идентифицировала будущую жертву как темнокожего мальчика двенадцати лет.

Туфли натёрли ступни и порвали новые колготки. Недорогой, но приличный костюмчик секретарши жал в талии, а когда я садилась, трещал по швам на заднице и в районе подмышек.

Про меня нельзя было однозначно сказать: злая и противная. Просто обычно я старалась игнорировать всех, кто пытался со мной заговорить в Обервиле, или делала вид, что случайно здесь оказалась и на самом деле по-прежнему живу где-то в центре.

Но сегодня что-то пошло не так. Страдая от полного разочарования в собственной жизни, я пнула мяч треугольным носиком туфли, и он выкатился на проезжую часть. Мне не доставляло удовольствия травмировать детскую психику, но когда проезжающий мимо мусоровоз расплющил игрушку по асфальту, почему-то захотелось победно хмыкнуть.

— Эй! Вы чего?

Я поторопилась достать ключи из сумочки, но прежде чем запрыгнула в подъезд, не удержалась и показала мальчишке язык. Он опешил, выпучив и без того слишком большие глаза.

— Никакая я тебе не ma tante! Мне всего двадцать пять! — прикрикнула я напоследок и громко хлопнула дверью в подъезд. С гордым выражением лица вытерпела осыпавшуюся на чёрные кудри побелку и по крутой лестнице рванула вверх, на второй этаж.

— Аника?

Я стряхнула туфли и пяткой отфутболила их в угол.

— Дома.

— Как собеседование? — громко поинтересовалась мама, гремя тарелками на кухне.

Квартира насквозь пропахла сгоревшей картошкой и маргарином, в котором эту самую картошку мама пыталась последние несколько часов. Сколько я себя помнила, она никогда не готовила и не убиралась, а я сама до прошлой

недели не знала, как пахнет картошка в маргарине. Одно событие запустило целую череду открытий. Например, выяснилось, что на собеседовании в дешёвое туристическое агентство с тремя направлениями могут отказать.

Всё изменилось. Теперь я жила в пригороде Парижа, неприглядном местечке, невыгодно близко расположенном к одному из самых злочных районов — Сен Дени. Ничуть этого не стыжусь, но до недавних пор я даже не подозревала о том, что за пределами центра есть места подобные этому: грязные улицы с разбитыми тротуарами, бесконтрольный наркотрафик и уровень преступности, вынуждающий носить в сумке перцовый баллончик и молиться, возвращаясь домой после заката.

Окна моей новой маленькой спальни выходили на соседний дом, а бутик с чистой примерочной в последний раз я посещала месяцев шесть тому назад. Несчастливая сумка из старой коллекции Диор, перекинутая через плечо, служила грустным напоминанием о былой роскоши. Смотрелось убого, когда я спускалась в метро, теряясь в толпе простых смертных, но с этим маленьким капризом расстаться было труднее всего.

Мама стояла на кухне в плену у грязной посуды. Посудомоечной машины, не говоря уже о горничной, у нас не имелось.

— Сказали, что перезвонят, — хмыкнула я, скручивая тёмные волосы в пучок на голове.

От парижского флёра матери мне достался лишь тонкий нос с лёгкой горбинкой. Всем остальным, вплоть до жёстких чёрных волос на ногах, я была обязана восточным корням покойного отца. Эх, знали бы эти корни, во сколько мне обошёлся полный курс лазерной эпиляции...

— Конечно перезвонят, *minou*^{*}. Ты ведь свободно владеешь пятью языками, — улыбнулась мама, которая вряд ли знала настоящий перевод фразы, произнесённой с натянутой улыбкой в конце рабочего дня после прослушива-

^{*} *Minou* (фр.) — котёнок.

ния тридцати кандидатов. «Мы вам перезвоним» — обычно означало «Вали отсюда, да поскорее».

— А ещё окончила Сорбонну, но это не помешало всем остальным отказать мне.

Плюхнувшись на скрипучий деревянный стул, я несколько раз дёрнула себя за края рубашки на груди дабы устроить вспотевшей, пережатой лифчиком груди мини-проветривание.

Париж плавился от аномальной жары, опередившей обычный график и сошедшей на город ещё в начале мая. Единственный в квартире вентилятор гудел так, что закладывало уши, и не сказать, чтобы исправно, но раздувал волосы хлопотавшей у плиты Агаты Ришар. До меня блаженная прохлада просто не дотягивалась.

— Нет опыта работы? Ну что за чушь!

Неукложе взявшись за нож, мама принялась кривыми кусками нарезать порей. Когда она облизала пальцы, испачканные рыбными ошмётками, меня передёрнуло. Её нездоровая любовь к сырой рыбе пугала, но, к счастью, не передалась мне по наследству вместе с уродливым родимым пятном на копчике.

Уставившись на свои обгрызенные ногти, я ковырнула заусенцы. Руки выглядели неопрятно и отлично описывали состояние, в котором я находилась последние месяцы. Но так было всё же лучше, чем на маникюре у азиаток в китайском квартале. В прошлый раз мне чуть не отрезали мизинец, а вонь из того переулка до сих пор преследовала меня в кошмарах.

— А у тебя как дела? Звонила в контору, которую я тебе подыскала?

— Не звонила, — фыркнула мама, пытаясь открутить крышку от литровой заначки с морской солью. Обладательница слабых рук, созданных лишь для того, чтобы с гордостью носить на тонких пальцах бриллианты, от перенапряжения покрылась красными пятнами. Я бы ей помогла, если бы сама лишь в прошлом месяце не научи-

ПОГРЕБЁННЫЕ

лась пользоваться кухонным ножом и без стонов тащить на второй этаж пакеты с едой.

— И хватит пытаться найти мне работу в качестве прислуги.

— Учительница младших классов — не прислуга.

— Поверь, *mino*, женщина, пытающаяся чему-то обучить семилетних детей — самая настоящая прислуга.

— Ты это поняла до того, как получила диплом, или после?

— После. — Хитро улыбнувшись, она сдула со лба пшеничный локон. К слову, он сливался с атомно-жёлтым фасадом кухни в стиле, который в начале двухтысячных именовали модерном или, как я любила это называть, «хочется выколоть себе глаза». — После того, как познакомилась с твоим отцом.

— Тогда тебе придётся продать что-то из своих вещей. Ты всё равно неделями не выходишь из квартиры.

Семейный бюджет... заметно просел, и единственным доходом оставались деньги от сдачи маленького домика в Тулузе. Всё остальное имущество семейства Ришар было продано для уплаты долгов.

Маму это сильно подкосило. Она только начала есть и разговаривать, когда через месяц после смерти отца на порог двухэтажной квартиры в самом центре Парижа нагрянули приставы. Переезд на улицу занял всего ничего: за какие-то пять дней из богатой наследницы я превратилась в бомжа.

— Не дождётся, *mino*. Агата Ришар не будет продавать свои вещи.

— Ришар, Ришар. — Закатив глаза, я подпёрла рукой подбородок и с грустью уставилась на серость за деревянным окном. Там всегда было серо, даже когда на улице на самом деле ярко светило солнце. Старая пятиэтажная постройка смыкалась расписанной граффити аркой. Окна всех комнат в квартире, за исключением маминой спальни, выходили во внутренний дворик, куда не доставали ни солнечные лучи, ни надежды на светлое буду-

щес. — Ты так гордо произносишь нашу фамилию, словно она до сих пор что-то значит.

Мама смешно подбоченилась, демонстрируя длинную шею в обрамлении золотистых локонов. Чистокровная Франция — так она себя называла. И так выглядела даже несмотря на то, что родилась не в самой благополучной семье, о которой не особо любила говорить.

Галиб Ришар, мой отец, с первого взгляда влюбился в молоденькую и хорошенькую учительницу младших классов, когда велосипед взбалмошной девицы на полной скорости врезался в его новую дорожную машину. Уже потом она треснула его сумкой по голове и разоралась так, что в ДТП оказался виноват он и в качестве извинения был вынужден пригласить её на ужин.

В этом была вся Агата. Даже в обносках она выглядела и вела себя так, словно в наследство ей досталась как минимум вся Британская империя, а не облезлый кот и однушка где-то ещё дальше, чем в Обервилье. Кот сдох, а однушка при загадочных обстоятельствах сгорела за пару лет до моего рождения.

И да, не нависай над нами крутленькая сумма за долги всё того же Галиба Ришара, я бы с лёгкостью ей поверила. Поверила в то, что Ришар — это бренд, а не отголосок прошлого.

— Наша фамилия — всё, что у нас осталась, Аника.

Это было в равной степени правдой и ложью, но я больше не хотела полагаться на что-то столь ненадёжное и эфемерное.

— Попробую написать Жерару и спросить, не нужна ли ему официантка в кафе, — сказала я, когда мы сели ужинать. В углу небольшой гостиной скрипела старая пластинка. Одинокая лампочка на оголённом проводе невыгодно подсвечивала подгоревшие с обеих сторон булочки.

Перестав жевать, мама замерла с позолоченной вилкой в сжатом кулаке.

— Только через мой труп, Аника.

— Так оно и будет, — хмыкнула я, с опаской понюхав сыр. Решив, что он не такой испорченный, каким кажется,

ПОГРЕБЁННЫЕ

сунула один кусочек себе в рот. — Когда мы обе умрём от голода.

— Я скорее умру от стыда, когда кто-нибудь увидит, как моя дочь моет, прости господи, — она собралась перекреститься, но сдержалась, — полы в какой-то дешёвой забегаловке.

— Кто увидит?

— Патрик, например!

— Мам. — Я со вздохом подцепила оливку в гранёной посудине. На щербатом подносе стояла грубая белая кружка с дешёвым вином, и я залпом её осушила, чтобы унять раздражение и досаду на непонятливую мать. — Патрик никогда в жизни не бывал в этом округе. А если подобное взбрёт ему в голову, между нами всё давно кончено. Он мне изменял, забыла?

— Но...

— Нет, хватит. Я больше не желаю говорить об этом, — резче, чем хотелось, ответила я, вздрогнув от моментально сдавившей виски пульсации. В одно короткое мгновение мышцы в руках и ногах непроизвольно напряглись, словно тело готовилось защищаться или... нападать.

— Снова? — обеспокоенно прошептала мама, когда я торопливо достала из сумки помятую пачку сигарет и закурила.

— Всё в порядке, — пробормотала я, сквозь вату в ушах с трудом расслышав собственный голос.

— Аника, ты ведь сказала бы мне, если бы видения снова начали посещать тебя?

— Конечно, — соврала я, ощущая, как стали неметь руки, а настоящее постепенно расплзаться перед глазами чёрным пятном. Прежде, чем свалиться под стол, я кое-как встала и, опираясь о стену, мелкими шажками добралась до своей комнаты.

А потом всё повторилось. Один и тот же сон. Один и тот же кошмар.

I

Я неуютно поёрзала на месте, вцепившись ногтями в мягкую кожу на дорогой сумочке. Несколько пружин в красном кресле с дешёвой, прохудившейся обивкой выскочили из основной конструкции и впились в поясницу, заставляя желать лишь одного: как можно скорее сбежать из этого места.

И я бы сбежала, если бы в эту самую минуту мама не подпирала дверь в кабинет психолога с обратной стороны.

— Аника. — Доктор прокашлялся, бездумно и как-то безучастно вода ручкой по листу бумаги на коленях. — Давайте с самого начала.

— Я уже всё рассказала.

Мужчина рассеянно покачал головой и тяжело зевнул. В его действиях и мимике не было и намёка на заинтересованность в нашем разговоре. Пытаясь скоротать сорок пять минут оплаченного сеанса, доктор Робинс по несколько раз задавал одни и те же вопросы, а я со скрипом, сквозь зубы, на них отвечала, тоже не испытывая какого-либо интереса.

— Понятно. — Мужчина нахмурил косматые брови и заглянул в заляпанный кофе планшет со справками, любезно переданными ему моей дорогой маман. Обслюнявив палец, доктор принялся зачитывать: — В вашей медицинской карте сказано, что вчера вечером вы впали в транс.

— Это мама её заполняла.

— Ага. — Он опустил палец на графу ниже. — Это не впервые?

— Там же написано, — ответила я, шумно отхлебнув горький кофе из кружки, которую, казалось, не мыли со времён окончания первой французской революции.

ПОГРЕБЁННЫЕ

Доктор перелистал ещё несколько страниц и достал помятое заключение последнего психиатра из дорожной клиники в Лондоне. Если бы врачи, которые только и делали, что обвешивали меня множественными заключениями и кормили мутными формулировками, возвращали деньги, я бы смогла прожить на них ещё лет пять. Исключив походы в модные бутики — все десять.

— В последний раз вы наблюдались семь месяцев назад с диагнозом «расстройство сна, ночные кошмары».

— Вообще-то мне собирались поставить трансное расстройство*, но родители заплатили за то, чтобы в мою медицинскую карту вписали расстройство сна. Не хотелось бы иметь проблемы при трудоустройстве.

Рука доктора Робинса замерла. Несколько долгих секунд он раздумывал над тем, стоит ли записывать в карту пациента чистосердечное признание о купленном диагнозе, но всё же отложил ручку и впервые за двадцать минут общения задержал на мне взгляд дольше, чем на три коротких выдоха.

— Трансное расстройство — серьёзный диагноз, вне компетенции простого психолога.

— Знаю, — невесело улыбнулась я.

— И вы пришли ко мне... с какой целью?

— Я не преследую никаких целей, доктор, а моя дорогая маман не особо понимает разницу между психиатром и психологом. Я здесь лишь потому, что вы оказались самым бюджетным специалистом, а мне нужно создать видимость решения проблемы, чтобы она от меня отцепилась.

Доктор достал вложенный в планшет свёрток бумаги, аккуратно его развернул и, поправив очки, передал мне

* Диссоциативное расстройство, характеризующееся состоянием транса, при котором имеется временная потеря чувства личностной идентичности, а также значительное сужение осознания окружающего. В данном состоянии внимание избирательно, а речь, движения и позы имеют ограниченный репертуар и воспринимаются неконтролируемыми сознанием.

изображением вверх. Без особого энтузиазма я посмотрела на кривые каракули и отложила листок на журнальный столик.

— Вы нарисовали себя на вершине горы из сердец, Аника. Боюсь, что одной видимости решения проблемы тут будет недостаточно.

— Поверьте, доктор, за семь лет пустых попыток, я смирилась с тем, что мне остаётся только создавать видимость и притворяться нормальной.

В первое время после аварии я могла провалиться в видение средь бела дня. Я не причиняла никому вреда, но бормотала под нос всякие странности, иногда рисовала, если под руку попадались бумага и ручка.

Мне неизменно снились одинаково ужасающие сны. Я перестала бояться смерти лишь потому, что собственными глазами видела ад. Каждую грёбаную ночь я лежала в своей мягкой постели и, словно расплачиваясь за грехи всего человечества разом, попадала в место, описать которое ещё ни разу не решилась вслух.

Там не было ничего: ни жизни, ни смерти. С куда большей радостью я бы приняла бурлящий чугунный котёл над костром, разведённым специально для меня. Но даже смерть боялась той пустоты.

Многим позже в кромешном мраке и безмолвии я стала видеть силуэт, но до сих пор так и не поняла, кому он принадлежал: высокому мужчине с головой зверя, или зверю с длинным мужским телом. Крайне сложно определить, когда глаза застилает пелена, и ты онемела от ужаса.

Сон всегда оканчивался одной и той же фразой, которую произносила либо я, либо тот, кто являлся ко мне в том мире: «Danny akhabi yabi».

В последний год кошмары стали сниться реже, тускнеть. Иногда мне ничего не снилось целыми неделями, и на несколько месяцев я забывала о том, что была... не совсем здорова. Пока не умер отец.

Ни врачам, ни таблеткам не удалось помочь справиться с этой проблемой. Спустя столько лет я просто

ПОГРЕБЁННЫЕ

смирилась и приняла то, с чем мне суждено жить до конца своих дней.

Я снова посмотрела на доктора. На вид ему было лет пятьдесят, не больше, хотя, может, и меньше. Monsieur Робинс выглядел очень притягательно. Под грязным жёлтым халатом пряталась стройная, высокая фигура, а толстые линзы немного покосившихся влево очков скрывали пронзительные серые глаза.

— Ваша мама написала, что вы бормотали...

— Danny akhahi yabi, — повторила я. — Знаете, что это такое?

— Боюсь, что нет, — поджал губы доктор и в который раз за сегодня отложил планшет.

Несколько минут мы молча изучали друг друга и неспешно цедили невкусный, уже остывший чёрный кофе. За спиной Робинса громко тикали огромные настенные часы, но мне показалось, что он перестал считать каждый удар минутной стрелки и действительно о чём-то задумался, характерным образом потирая подбородок.

— Вы пробовали перевести значение этой... эм, фразы?

— Как же я сразу об этом не подумала, — перекинув ногу на ногу, усмехнулась я. — Конечно, пробовала. Мою отцу не нравилось, что у его единственной дочери поехала крыша.

— Результаты, полагаю, это не дало?

— Верно полагаете.

— Что ж, тогда я правда не знаю, как могу вам помочь, разве что... — мужчина сунул руку в карман и достал небольшой клочок бумаги. Обслюнявив ручку, он что-то быстро написал и положил записку на журнальный столик, придвинув её в мою сторону кончиком указательного пальца.

— «Ш» значит шизофреничка? — поинтересовалась я, взглянув на кривой, плохо различимый почерк.

— Экстракт шиповника. Успокаивает нервы перед сном.

— Чудесно. Экстракт шиповника — именно то, в чем я нуждалась.

— И номер моего сына на обратной стороне. Он работает с древними языками в Лувре. Вдруг язык, на котором вы говорите, мёртвый.

Я подумала, что мёртвым будет доктор, когда я выйду из кабинета и сообщу матери о том, что мы заплатили чуть ли не последнюю сотню евро за предложение попить шиповниковый отвар.

— Вы и в самом деле считаете, что я не обращалась в Лувр? Не достала каждого, кто в нём работает, чтобы узнать, что за бред несую каждую ночь?

Доктор промолчал и перевёл взгляд на наручные часы, показывающие, что время нашей консультации подошло к концу.

Когда я покинула кабинет, хлопнув дверью в знак протеста, мама нервно вздрогнула у кулера с водой. Впервые за последний месяц она вышла из дома не в солнечных очках и худи с натянутым до подбородка капюшоном. Бедность давалась ей тяжелее, чем мне, поэтому поездка, хоть и в дешёвую клинику в девятнадцатом округе Парижа, воспринялась как достойный повод выгулять дорогой комбинезон и старую, но ни разу не ношенную шляпку.

— Ну что? Что сказал monsieur Робинс? — ковыляя на высоченных каблуках, словно хромая кобыла, спросила мама. — Полы мокрые! Подвернула ногу.

— Сказал, что я умру через семь дней.

Ахнув, она струёй воды из носа намочила мою белую рубашку.

— Шучу я, расслабься. — Похлопала её по спине. — Прописал мне пить шиповник перед сном и выдал номер своего сына.

— Ты ему позвонишь? — тут же вскинулась мама.

Я снова закатила глаза, но не успела придумать достойную колкость, когда молодая девушка за покосившейся стойкой администрации отвлекла меня, активно размахивая чистым бланком для сбора статистики об эффективности методов лечения их врачей.

Аника Ришар. Раньше мои инициалы красовались в списке важных гостей на парижской неделе моды, теперь — на бланке в клинике для психичек. Замечательно.